

ЕВА ШЛОСС

ПОСЛЕ АУШВИЦА

ХЭЛОКЭСТ

Холокост. Палачи и жертвы

Ева Шлосс

После Аушвица

«Издательство АСТ»

2013

УДК 78.071.2:929
ББК 85.315.3

Шлосс Е.

После Аушвица / Е. Шлосс — «Издательство АСТ»,
2013 — (Холокост. Палачи и жертвы)

ISBN 978-5-17-107481-4

Откровенный дневник Евы Шлосс – это исповедь длиною в жизнь, повествование о судьбе своей семьи на фоне трагической истории XX века. Безоблачное детство, арест в день своего пятнадцатилетия, борьба за жизнь в нацистском концентрационном лагере, потеря отца и брата, возвращение к нормальной жизни – обо всем этом с неподдельной искренностью рассказывает автор. Волею обстоятельств Ева Шлосс стала сводной сестрой Анны Франк и в послевоенные годы посвятила себя тому, чтобы как можно больше людей по всему миру узнали правду о Холокосте и о том, какую цену имеет человеческая жизнь. «Я выжила, чтобы рассказать свою историю... и помочь другим людям понять: человек способен преодолеть самые тяжелые жизненные обстоятельства», утверждает Ева Шлосс.

УДК 78.071.2:929

ББК 85.315.3

ISBN 978-5-17-107481-4

© Шлосс Е., 2013
© Издательство АСТ, 2013

Содержание

1	6
2	9
3	12
4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ева Шлосс

После Аушвица

*Книга посвящается памяти жертв Холокоста и геноцида,
которые не смогли поведать миру свои истории.*

Ева Шлосс

1

Оставить в прошлом

«А сейчас, мне кажется, Ева хотела бы сказать несколько слов», – эта фраза разнеслась по большому залу и наполнила меня ужасом.

Я была тихой женщиной средних лет, женой инвестиционного банкира и матерью трех взрослых дочерей. Человеком, произнесшим фразу, был Кен Ливингстоун – в то время главный руководитель вскоре упраздненного Совета Большого Лондона и «бельмо на глазу» у премьер-министра Маргарет Тэтчер.

В тот день мы встретились пораньше, и он, конечно, не предполагал, что его слова приведут меня в смятение. Я даже не предполагала, что это было началом моего долгого пути к примирению с ужасными событиями моего детства.

Мне было пятнадцать лет, когда я вместе с тысячами других людей мчалась по Европе в поезде, составленном из темных и тесных вагонов для скота, и была высажена перед воротами концентрационного лагеря Аушвиц-Биркенау. Прошло уже более сорока лет, но когда Кен Ливингстоун попросил рассказать об этом, чувство всеохватывающего ужаса сковало меня. Захотелось сползти под стол и спрятаться.

Это случилось ранней весной 1986 года: мы были на открытии передвижной выставки, посвященной Анне Франк, в галерее рядом с лондонским Институтом современного искусства. Более трех миллионов людей по всему миру уже посетили эту выставку, но тогда мы только начинали рассказывать новому поколению историю о Холокосте с помощью дневника Анны Франк и фотографий ее семьи.

Эти фотографии связали меня с Анной таким образом, которого никто из нас не мог вообразить, когда мы были маленькими девочками и, бывало, играли вместе в Амстердаме. Мы были очень разными по характеру, но Анна была одной из моих подруг.

После войны отец Анны Отто Франк вернулся в Голландию и связал свой жизненный путь с моей матерью, и причиной на то были их общие потери и большое горе. Они поженились в 1953 году, и Отто стал моим отчимом. Он подарил мне фотоаппарат фирмы «Leica», которым когда-то снимал Анну и ее сестру Марго, чтобы я могла найти свое место в мире и стать фотографом. Я пользовалась этим фотоаппаратом много лет, и он до сих пор со мной.

История Анны – это история юной девочки, которая смогла задеть за живое весь мир простой человечностью своего дневника. Моя история – другая. Я тоже стала жертвой нацистских репрессий и была сослана в концентрационный лагерь – но, в отличие от Анны, я выжила.

К весне 1986 года я прожила в Лондоне почти сорок лет, и в то время город изменился до неузнаваемости: из невзрачной, уничтоженной бомбежкой скорлупы превратился в активный многонациональный мегаполис. Хотелось бы верить, что и я преобразилась подобным образом.

Я изменила свою жизнь и создала семью: вышла замуж за чудесного человека и родила детей, которые являются для меня самой главной ценностью. Я даже открыла собственный бизнес. Но большая часть меня была потеряна. Я не была собой, и общительная девочка, которая когда-то ездил на велосипеде, делала стойку на руках и не переставая болтала, осталась где-то там, далеко, куда я не могла проникнуть.

По ночам мне снилась большая черная дыра, которая вот-вот меня поглотит. Когда внуки спросили меня о пометке на руке, которую мне выжгли в Аушвице, я сказала, что это просто мой номер телефона. Я не рассказывала им о прошлом.

И все-таки я едва ли могла отказаться от приглашения сказать несколько слов на открытии выставки, посвященной Анне Франк, учитывая то, что это было дело всей жизни Отто Франка и моей матери.

По настоянию Кена Ливингстоуна я встала и начала сбивчиво говорить. Возможно, к огорчению присутствующих, которые надеялись на короткое выступление, я обнаружила, что, начав говорить, не могу остановиться. Слова вылетали, и я продолжала и продолжала говорить, вспоминая все болезненные и горькие испытания, которые пришлось пережить. Я была будто в бреду и ужасе; я не помню, что говорила тогда.

Моя дочь Джэки сказала: «Это было очень волнующе. Мы почти ничего не знали о том, что пережила мама, и вдруг она оказалась на сцене, с трудом произнося слова и начиная плакать».

Другие люди могли не понять то, о чем я говорила, но для меня это был очень важный момент. Я возродила небольшую часть себя.

Несмотря на такое малообещающее начало, после этого вечера все больше и больше людей просили меня рассказать о том, что происходило во время войны. Поначалу я просила своего мужа набрасывать черновики подобных речей и озвучивала их довольно плохо. Но постепенно я нашла свой собственный голос и научилась рассказывать свою историю.

Многое изменилось в мире с конца Второй мировой войны, однако несправедливость и дискриминация, увы, остались неизменны. От Движения за гражданские права чернокожих в Соединенных Штатах до апартеида в Южной Африке, от войны в бывшей Югославии до конфликтов в таких странах, как Демократическая Республика Конго – по всему миру я видела людей, борющихся за то, чтобы с ними обращались в равной мере с человеческим достоинством и пониманием. И, как еврейка, я видела, что даже правда о Холокосте не подтолкнула мир к осознанию полнейшего ужаса антисемитизма. На сегодняшний день все еще существует много людей, выискивающих козлов отпущения на основании цвета кожи, происхождения, сексуальной ориентации или вероисповедания.

Мне хотелось поговорить с такими людьми об ожесточении и гневе, которые заставляют их винить других. Как и они, я знала, какой тяжелой и несправедливой может иногда казаться жизнь. Долгие годы меня также переполняла ненависть.

По мере того как расширялся мой мир, я начала работать с Домом-музеем Анны Франк в Амстердаме и с фондом ее имени в Англии. Вскоре я написала книгу о своем опыте, излив саднящие воспоминания о Холокосте, и потом, значительно позже, повесть о жизни с моим братом для младших дочерей. Я изумлялась, когда другие люди тоже хотели написать о моей истории.

В конце концов, я стала путешествовать по миру и разговаривать с людьми в Соединенных Штатах, Китае, Австралии и Европе. И куда бы я ни приезжала, мои собеседники меняли меня изнутри, до тех пор, пока я честно не смогла сказать, что отныне ненависть и ожесточение не владеют мной. Ничто не сможет оправдать ужасных преступлений, совершенных нацистами. Эти поступки навсегда останутся абсолютно непростительными, и я надеюсь, что благодаря таким личным историям, как моя, о них всегда будут помнить. Но благодаря попыткам обратиться к людям и рассказать им всю правду я заново расцвела – и, может быть, стала тем, кем всегда была в глубине души, – и это стало настоящим подарком для меня и моей семьи.

Едва ли не самой значимой частью работы были разговоры со школьниками и заключенными. Когда я обводила взглядом собравшихся маленьких детей разного происхождения и национальности, или мужчин и женщин, осужденных за тяжкие преступления, их охватывало удивление: что же может быть у них общего со мной – невысокой женщиной в изящном кардигане и с австрийским акцентом? И все же я знала, что к концу нашего совместно проведенного времени мы будем разделять чувство того, что жизнь подчас сложна и мы не знаем, что принесет с собой будущее. Обычно оказывалось, что мы все-таки не так уж сильно отличаемся друг от друга...

Мне хотелось, чтобы они узнали то, что усвоила я: каким бы глубоким ни было отчаяние, всегда есть надежда. Жизнь обладает огромной ценностью и красотой, и нельзя ее растрчивать попусту.

В этой книге я расскажу о своей семье и о долгом странствовании, в прямом и переносном смысле слова, которое нам с мамой пришлось совершить. Также я постараюсь как можно больше рассказать о своем отце Эрихе и брате Хайнце. Я потеряла их обоих, и даже если вы встретите меня сейчас, пожилую женщину, вы должны знать, что во мне все еще живет та пятнадцатилетняя девочка, которая любит их, каждый день вспоминает о них и безумно по ним скучает.

Воспоминания о нашей семье сопровождали меня всю жизнь и в дальнейшем повлияли на мою работу.

Был май 1940 года, мы уже покинули свой дом в Вене и теперь собрались в новой квартире в Амстердаме. Оправдались самые худшие ожидания: нацисты оккупировали Голландию. Обычно я во всем полагалась на старшего брата, который мог успокоить и поднять настроение, но в ту ночь он был расстроен и молчалив. Он поделился своими сомнениями насчет того, сможет ли наш отец уберечь нас, поскольку нацисты уже начали вывозить евреев. «Эви, мне очень страшно, – сказал он, – я и вправду боюсь смерти».

Мы сели вместе с отцом на диван, и он крепко обнял нас, сказав, что мы звенья одной цепи и что мы обязательно доживем до того времени, когда у нас появятся собственные дети. «А если у нас не будет детей?» – спросил Хайнец. Отец ответил: «Я обещаю вам, что будут. Все мы оставляем после себя что-нибудь, ничто не пропадает. Хорошие дела, которые вы совершили, продолжатся в жизни близких вам людей. Это будет иметь значение для кого-то в определенный момент, и ваши достижения будут продолжены. Все на свете взаимосвязано, как звенья в одной цепи, которая не может быть порвана».

В этой книге я попытаюсь рассказать о стараниях, приложенных мною для того, чтобы оставить после себя нечто важное.

2

Венская семья

Для того, кто был молод, целеустремлен и при этом был евреем, в начале двадцатого века существовало только одно место для жизни – Вена. Мой детский взгляд принимал грандиозные размеры и изысканность этого города как само собой разумеющееся. Вена была домом, а я – настоящей венкой. К тому моменту как я родилась, наша семья жила в просторном особняке в лесистом районе на юго-западе Вены, однако в прошлом имела довольно длительную и бурную историю отношений с этим городом.

До окончания Первой мировой войны Вена была драгоценным камнем в габсбургской короне, центром обширной и могущественной Австро-Венгерской империи, которая простиралась от Украины и Польши до Австрии и Венгрии и до города Сараево на Балканах.

Довоенная Вена была промышленной и культурной столицей; предпринимательство подпитывалось торговым путем на Дунае, в то время как композитор Густав Малер, писатель Артур Шницлер и психоаналитик Зигмунд Фрейд наполняли улицы, оперные дома и кафе новыми идеями. Было практически невозможно не увлечься этими интересными людьми, которые подготавливали колоссальные события. В кафе «Централь» можно было увидеть Льва Троцкого, игравшего в шахматы и составлявшего план революции; в кафе «Шперл» художник Эгон Шиле и одна из его натурщиц, должно быть, отдыхали в перерыве между созданием провокационных портретов.

Те дни воодушевляли. К 1910 году население города составляло более двух миллионов человек. Величественные бульвары Рингштрассе были окружены улицами с новыми жилыми постройками для все возраставшего среднего класса – коммерсантов и владельцев магазинов. Они формировали массовую аудиторию для венской культуры: раскупали театральные билеты, ходили в рестораны, гуляли в венских лесах.

Неотъемлемой частью этого среднего класса сделалась хорошо образованная и успешная еврейская община.

Конечно, евреи жили в Вене время от времени около семисот лет. Но череда критически настроенных людей у власти привела к тому, что евреев выгоняли из города, и община становилась малочисленной и бесприютной. Она начала расцветать только со времени толерантной религиозной политики императора Франца Иосифа и установления полного равенства граждан в 1867 году. В последующие тридцать лет еврейское население Вены возросло до ста восемнадцати тысяч человек и вскоре стало играть значительную роль в жизни города.

Некоторые из этих еврейских семей были очень богаты и вследствие этого знамениты. Они покупали роскошные дома на Рингштрассе и отделывали их мрамором и золотом. Ниже на социальной лестнице находились работники среднего класса. К началу двадцатого столетия почти три четверти банкиров и больше половины докторов, юристов и журналистов были евреями. Существовала даже популярная футбольная команда, состоявшая из евреев и входившая в венский футбольный клуб.

Вслед за экономическим кризисом и упадком парафинового производства, на котором трудились многие польские евреи, последовали беспорядки на Балканах и в конечном итоге Первая мировая война, которая принесла свежую волну иммигрантов в Вену. Это были менее состоятельные, хуже образованные евреи, приехавшие из областей Восточной Европы, например, из Галиции. Они обосновались вблизи северной железнодорожной станции Вены, в районе Леопольдштадт. Эти семьи казались более религиозными и менее связанными с немецкой культурой, нежели еврейская община, которая уже ассимилировалась с австрийской жизнью.

Семьи наподобие нашей никогда бы не сошлись с этими новыми иммигрантами, ставшими предметом антисемитских нападок.

Биография моего отца типична для семьи среднего достатка. Мой дед, Давид Герингер, родился в Венгрии в 1869 году. После переезда в Вену он открыл обувную фабрику «Герингер и Браун», и к ноябрю 1901 года – времени рождения моего отца – преуспел в этом деле.

У меня есть только одна фотография дедушки и бабушки. Дед выглядит по-деловому, с усами и шляпой-котелком, а мой папа и его сестра одеты в матросские костюмчики и с торжественным видом смотрят в камеру.

Моя бабушка, Гермина, – стройная и элегантная, высокая на вид из-за огромной шляпы, увитой слоями черного кружева и шифона, что было последним криком моды в то время. Она приехала в Вену из Богемии, нынешней Чехии.

Даже при напускном бесстрастно-спокойном виде, как было принято фотографироваться в то время, они выглядят счастливой семьей, и мой отец в своих воспоминаниях подтверждал это. К несчастью, вскоре у бабушки обнаружился рак, и она умерла в 1912 году в возрасте тридцати четырех лет. Дедушка снова женился на женщине, которая оказалась злой мачехой, поэтому мой папа в отрочестве ушел из дома и начал налаживать самостоятельную жизнь. Первый его опыт счастливой жизни в семье имел внезапный и трагический финал, но отец был уже в одном шаге от встречи с женщиной, определившей всю его жизнь, – моей будущей мамой.

Должна сказать, что мама отличалась необыкновенной красотой. Папа был смуглым и энергичным, у мамы же были светлые волнистые волосы, голубые глаза и ослепительная улыбка. Ее звали Эльфрида Марковитс, или просто Фрици, и ее жизнерадостность была ключом. Я очень люблю одну фотографию, где мама, совсем еще девочка, кормит лошадку и смеется. Но обстоятельства того времени были отнюдь не радостными: ее увезли в деревню, где мой дед находился с армией, спасаясь от голода. Но мама все еще улыбается, и снимок создает ложное впечатление того, что она приземленная, практичная и в какой-то мере простоватая девочка. Тогда, во всяком случае, она таковой не являлась.

Мать Фрици Хелен родилась в очень обеспеченной семье, владевшей виноградным хозяйством в тогдашней Галиции и минеральными источниками неподалеку от Вены, в Бадене, куда я не любила ездить из-за неприятного запаха.

Обстоятельства жизни моей бабушки значительно изменились после ее замужества. Рудольф Марковитс работал в крупной компании по производству электрических лампочек и различных осветительных приборов. Несмотря на то что его дело шло довольно успешно и семья не нуждалась ни в чем, Первая мировая война повлекла за собой тяжелые времена для большинства австрийцев. Еда стала распределяться по карточкам, и после распада Австро-Венгерской монархии в 1918 году Австрия оказалась в опасном положении. Страна столкнулась с разрушительными репарационными обязательствами по условиям Версальского мирного договора 1919 года, но разорилась до того, как была определена ставка.

То, что являлось когда-то масштабной империей, теперь стало маленькой страной, лишившейся своих самых прибыльных регионов. Промышленность и сельское хозяйство, которые были основой Австро-Венгерской империи, теперь поддерживали экономику других стран, таких как Польша и ставшие независимыми Чехословакия, Венгрия и Югославия. Эти новые государства заставляли Австрию платить выкуп до тех пор, пока не будут урегулированы пограничные споры, и вскоре вся Европа шепталась, что граждане Вены умирают от голода. В какой-то момент семья Марковитс была настолько голодна, что они решили убить и зажарить свою комнатную птицу. Моя мать, любившая ее, помнила, как плакала над тарелкой, но все равно стащила мясо с косточек и съела.

Так что к тому времени, как семнадцатилетний Эрих Герингер встретился с четырнадцатилетней Фрици Марковитс, они уже были знакомы с трудностями и неопределенностью. Но осознание того, что обстоятельства жизни могут стремительно измениться, никак не повлияло

на их жизнерадостность в бушующие двадцатые годы. Как показывает письмо 1921 года, мой отец был убежден, что никто не будет стоять на пути их любви – даже мать Фрици, которая сказала ему, что ее дочь слишком молода для таких серьезных вещей.

Вена, 17 августа 1921 года

Высокоуважаемая леди, сегодня я получил Ваше письмо от пятнадцатого числа и сначала был шокирован – но потом в моем сознании появилась мысль, что высокоуважаемая леди, должно быть, имела только благие намерения. Я очень благодарен за доверие, которое Вы оказываете Фрици и мне. Вы совершенно правы во многих вещах, и я должен признать, хотя мне очень больно, что я слишком поторопился с нашими планами на будущее.

Идея созрела у меня в голове моментально, и я не осознавал, какое сопротивление она повлечет за собой. Мне жаль, что я не могу принять предложение, которым почтила меня высокоуважаемая леди. Моя нелюбовь к подобным наслаждениям уже очень глубока и длительна. С того момента, как я встретил Фрици, я околдован ею, поэтому не интересуюсь никакими другими наслаждениями... Мы сразу же стали серьезно относиться друг к другу, иначе бы не продолжили нашу близкую дружбу...

Высокоуважаемая леди, надеюсь, Вы не будете слишком раздражены, когда узнаете, что я рассказал Фрици о Вашем письме. Я не могу скрывать от нее что-либо важное. Прошу Вашего прощения за оспаривание того факта, что Фрици еще школьница (как считаете Вы и Ваш муж). Даже если она еще ходит в школу, она уже гораздо более зрелая, чем данный возраст мог бы предполагать. Вы должны признать этот факт. Я еще раз благодарю Вас за добрые намерения, которые Вы продемонстрировали...

Ваш покорный Эрих Герингер.

Покорным он был недолго – они поженились в 1923 году и были едва ли не самой молодой парой в городе. Если вы столкнулись бы с ними, когда они прогуливались по Ринг-штрассе, поднимались в горы или сидели с друзьями в одном из знаменитых венских садов раннего вина, вот какими они могли бы предстать.

Мой отец был энергичным и веселым, дружелюбным и очаровательным. Он учился в Венском университете, прежде чем взял на себя руководство семейной обувной фабрикой после смерти моего деда в 1924 году. Мама в отличие от него не увлекалась спортом и упражнениями на свежем воздухе, вместо этого она любила слушать музыку, играть на фортепьяно и проводить время с семьей. Они оба стильно одевались. Отец носил безупречно сшитые костюмы от «Савил-Роу»; кроме того, он стал носить розовые рубашки задолго до того как они стали модными. Моя мама всегда умела выглядеть элегантно, даже с коротко постриженными волосами по новой моде или в клетчатом берете.

Мой отец был главой семьи во всех отношениях – руководил экспедициями, вел свой бизнес и подбирал мебель для нового дома Герингов на улице Лаутензакгассе с впечатляющим набором антиквариата, в том числе с супружеской кроватью, которая когда-то принадлежала императрице Ците. Он всегда был полон энтузиазма и идей и в работе и в отдыхе, и моя мать, будучи более молодой и осторожной, следовала за ним.

Они были молоды и влюблены, и им посчастливилось найти друг друга.

3

Детство

– Ну же, Хайнц, я хочу это сделать...

Я была упрямой маленькой девочкой с прямыми белокурыми волосами, и мой подбородок решительно выдавался вперед. Мой брат Хайнц был высоким и хрупким, с длинными тонкими ногами, темными волосами и выразительными глазами.

В хорошую погоду мне часто хотелось втащить нашу маленькую телегу для сена на верх пригорка в нашем саду, запрыгнуть в нее, а потом стремительно скатиться вниз. Я очень любила эту довольно опасную игру. Мы часто получали травмы, так как единственным способом управления тележкой было использование жерди в качестве импровизированного руля. Подозреваю, что Хайнц испытывал значительно меньше восторга от этого аттракциона, чем я, но он, как обычно, потакал своей младшей сестре. Между нами была разница в три года, и мы сильно отличались друг от друга и по характеру, и по внешним данным.

Хайнц появился на свет в 1926 году, и родители в нем души не чаяли. Первое его эмоциональное потрясение случилось спустя три года после рождения, одним весенним днем, когда его увезли из дома к бабушке без каких-либо объяснений. Прошла неделя, полная нервного напряжения, в течение которой ни мама, ни папа так и не сказали, что произошло. В конце концов, он вернулся домой, где застал маму с маленьким ребенком на руках, и этим ребенком была я.

Родилась я 11 мая 1929 года в Венской больнице, и, возможно, эта наша первая встреча с братом вызвала у него чувство обиды на всю жизнь. Теперь мне кажется удивительным, что большинство взрослых не говорили своим детям о том, что вскоре у них появится брат или сестра, но так было принято в те времена.

К счастью для меня, Хайнц не озлобился, а довольно быстро стал моим самым верным помощником и лучшим старшим братом, на которого я могла бы надеяться. Но события той недели оставили в его душе незаживающую рану. Он стал заикаться, и никакие врачи и лекарства не смогли вылечить этот недуг. Родители даже водили его к Анне Фрейд, дочери Зигмунда Фрейда и основательнице детского психоанализа, – но безрезультатно. Он был очень чувствительным мальчиком.

Хотелось бы мне сказать, что я была восхитительным ребенком, но я не унаследовала той легкости темперамента, которой обладал Хайнц. На одной семейной фотографии я сижу хмурая, втиснутая между родителями, с легким раздражением поглядывая, как бы они между делом не обратили внимания друг на друга или на Хайнца.

Я постарела, но осталась не менее своенравной. Я отчетливо помню, как провела множество вечеров, стоя в углу комнаты, где я должна была хорошенько подумать о каком-то проступке, а затем извиниться. Я ходила вокруг стула из гнутой древесины, водя пальцем по сиденью и повторяя, что никогда не попрошу прощения.

Эти сцены часто возникали из-за разногласий по поводу еды. Мягко говоря, я была привередливым едоком и ненавидела овощи. Обычно я оставлялась в одиночестве за столом после того, как все остальные уже поели, и мне было запрещено уходить, пока я не съем все на своей тарелке. Часто я прилепляла горошинку за горошинкой к обратной стороне стола.

Однажды вечером родители пожелали нам спокойной ночи и уехали на вечер, в то время как Хайнц и я ужинали вместе с нашей горничной. Еда состояла из костлявой рыбы, и я ненавидела вытаскивать острые кости изо рта. В середине трапезы мама позвонила, чтобы узнать, как мы. «Они в порядке», – сказала ей горничная, прежде чем я подбежала к телефону и,

выхватив трубку, громко запротестовала: «Я не в порядке! Мы едим рыбу, в ней много костей, и я ненавижу ее!»

Естественно, мама велела мне вернуться за стол и немедленно закончить ужин. Но иногда я задаюсь вопросом, не поддерживало ли меня это стремление к упорному неповиновению позже, в бесконечно более трудных обстоятельствах, когда мне действительно важно было не терять ни капли жесткого своеволия, чтобы не сдать?..

В первые годы моей жизни наша квартира представляла собой средний этаж большого дома, построенного в девятнадцатом веке в Хитцинге. Этот район славился своими парками и садами. Летний дом Габсбургов, дворец Шенбрунн, был за углом, и известный архитектор Отто Вагнер спроектировал поблизости остановку метро лично для императора (он воспользовался метро дважды). За углом, на кладбище, имелась устрашающая коллекция покойных австрийских аристократов, что делало это место одним из самых престижных в городе.

Какой ухоженной и комфортабельной, должно быть, казалась эта местность недовольному своей судьбой и бесперспективному художнику, который прошелся по Хитцингу в первом десятилетии XX века... Адольф Гитлер приехал учиться в Вену, чтобы поступить в престижную Венскую Академию изящных искусств, но, несмотря на дополнительные занятия, он провалил экзамены дважды.

Наш дом на углу улицы Лаутензакгассе походил более на замок, чем на обычную загородную виллу, с его большой башней и большим садом, где мы часто праздновали дни рождения.

Я очень любила наш оживленный дом. Мы не были богаты, но жили в уюте и тепле, а стеклопакеты защищали нас от суровых венских зим. У нас была горничная, которая жила в маленькой комнате за кухней, и другие женщины приходили каждую неделю, чтобы помочь со стиркой и шитьем.

Если бы вы могли заглянуть к нам, то увидели бы меня в нише моей спальни, сидящую за столиком, на котором стоит чайный сервиз, или всех нас за обедом в столовой, украшенной цветастыми обоями. Ночью можно было бы услышать, как Хайнц шепчет мне что-то на большой веранде, пока мы смотрим на звезды, и рассказывает свои любимые истории из книг Карла Мая про Виннету и Старину Шаттерхенда.

В нашем районе жило мало евреев, несмотря на то что имелась синагога, и мы с Хайнцем в действительности начали узнавать историю своей религии и культуры только тогда, когда пошли в школу. Все австрийские дети обязательно получали религиозное образование. Для подавляющего большинства учеников это означало изучение основ католицизма, но мы три раза в неделю посещали отдельные уроки – таким образом, все понимали, что мы евреи.

Нам нравились уроки религии, и мы с воодушевлением стали отмечать еврейские праздники и соблюдать традиции. Родители поддержали наш интерес и послушно начали зажигать свечи в пятницу вечером, перед Шаббатом. Пятничные вечера стали особым событием: мама звала Хайнца и меня, и мы помогали ей накрывать стол для субботней трапезы. Выкладывалось наше лучшее столовое серебро и фарфоровая посуда, свечи ставились в подсвечники – и это действо было самым главным для меня за всю неделю. Я гордилась тем, что росла в еврейской семье.

Однако ни отец, ни мать особо не интересовались религией. Мама была совершенно не осведомлена о многих иудейских обрядах, папа также не соблюдал ритуалы, однако очень переживал о сохранении нашего культурного достояния. В повседневной жизни это проявлялось в семейных празднованиях еврейской Пасхи и в полном отказе от свинины. Но случались времена, когда наша религия все-таки заявляла о себе гораздо более серьезно.

Иногда наша горничная-католичка брала нас с собой на мессу. Я думаю, делала она это в основном для того, чтобы просто иметь возможность самой ходить в церковь по воскресеньям, и я знаю, что у многих еврейских детей был такой же опыт, потому что большинство домашних работников в Вене были крестьянами из больших католических семей. Я наслаждалась этими

прогулками, особенно церемонией, видами и запахами католической божественной литургии. Но когда мой отец узнал об этих поездках, он был в ярости и немедленно уволил нашу горничную.

Позже сестра моей матери и ее семья переехали в Англию, чтобы скрыться от нацистов, и обратились в христианство. Это глубоко расстроило моего отца. Он считал, что если человек родился иудеем, то он должен им остаться. По его мнению, обращение в другую религию из-за страха преследования говорило об отсутствии твердости характера.

Помимо того что мы соблюдали еврейские традиции, мы участвовали и в жизни Вены точно так же, как другие австрийцы. Хотя мы не праздновали Рождество как таковое, мы приветствовали Святого Николая и его помощника Черного Питера в день их праздника, который приходился на 5 декабря. Многие годы я ждала подарка от Святого Николая, предшественника Санта-Клауса, – маленькую красную машинку с педалями. Я намекала о своем желании родителям за несколько месяцев до заветной даты и в долгожданный день просыпалась рано утром и смотрела под кровать: не появилась ли машинка за ночь? Этого так и не произошло, но моя первая настоящая машина, которую я купила, была красного цвета.

Должно быть, мама и папа считали, что мы получали более чем достаточно подарков и угощений, потому что иногда они заворачивали в оберточную бумагу подарки прошлых лет и вручали их снова.

По правде говоря, мы не испытывали недостатка во внимании и заботе. Каждый день мы навещали родителей моей матери, которые жили в более маленькой квартире на Хитцингер Хауптштрассе. Я сказала, что мы навещали бабушку с дедушкой, но по большей части во время этих визитов мы наблюдали их горничную Хильду, управлявшую домом, как начальник, но ужасно избаловавшую нас. Она была членом семьи целых сорок лет, и хотя бабушка формально считалась главной и в других ситуациях могла быть очень громогласной, дома она вела себя тихо и позволяла Хильде вести домашние дела так, как она считала нужным. Когда бабушка с дедушкой были вынуждены бежать от нацистов, Хильда следила за их квартирой до того момента, как окончательно вернулась к себе в деревню.

Единственным моментом наших каждодневных визитов, который я не любила, было приветствие прабабушки. Ее устрашающая фигура, вся в черном одеянии, довлела надо мной. Я говорила маме, что она «старая и противная», и умоляла не ходить к ней. Но, несмотря на мои протесты, меня всегда вталкивали в ее спальню, где я на цыпочках подходила к этой старой даме и нервно целовала ее в щеку.

К счастью, соблазнительная перспектива совместно проведенного досуга с бабушкой и дедушкой превосходила мои ожидания. В особенности я обожала деда. Он всегда находил необычные занятия для каждого из нас. Был он очень музыкальным, и Хайнц сидел рядом с ним на фортепианном стуле и смотрел, как дедушка делает глубокий вдох, закрывает глаза, а затем его руки порхают над клавишами. Музыка звучала великолепная, но дед мог играть только на слух, потому что, будучи молодым студентом, отказался учить нотную грамоту.

Возможно, я унаследовала его упрямство, но не унаследовала музыкального таланта. В то время как Хайнц проводил часы за игрой на фортепиано, а затем на аккордеоне и гитаре, я больше стремилась к общению.

Воскресным утром дедушка брал меня с собой в местную таверну рядом с железнодорожным переездом, где он выпивал кружку пива, а я съедала суп. Австрийские таверны представляли собой, скорее, кафе и винные сады, нежели пабы или бары; в них собирались мужчины, чтобы непринужденно поболтать. Больше всего мне нравилось сидеть рядом с дедушкой за столиком, в то время как официантка подносила нам суп-гуляш. Он был горячим, в большой чашке из нержавеющей стали, и его разливали по тарелкам, а я наблюдала широко раскрытыми глазами, сколько кусочков говядины упало в мою тарелку. Я находилась в центре

внимания. Друзья дедушки с большим интересом слушали мои рассказы о том, чем я занималась на неделе и о моих увлечениях. Для меня это было раем.

В городе наша жизнь вращалась вокруг семьи, дома и школы. Горничная, позволяя нам выпустить пар, водила нас в парк рядом с Шенбруннским дворцом или на фильм, где играла актриса Ширли Темпл, а иногда в качестве поощрения и в знаменитый венский парк аттракционов Пратер. Но чаще всего мы ходили к родственникам родителей: к сестре отца Бланке и двоюродному брату Габи, который был моим лучшим другом. Сестра нашей матери, Сильви, и ее муж Отто тоже жили неподалеку, и я могла приходить играть с их маленьким сыном Томом.

Мне всегда нравились младенцы, я наблюдала за ними, и Том меня пленил. Однажды я увидела, как тетя кормит его грудью, и после этого мне пришла в голову идея попробовать таким же образом покормить своего друга Мартина у нас дома. Разумеется, в те детские годы никакой груди у меня не было, но мама Мартина застала нас врасплох и устроила грандиозный скандал. Я безмерно расстроилась из-за того, что она на время запретила Мартину приходить ко мне в гости. Было крайне неловко и стыдно.

В школе я усиленно занималась чтением, но пренебрегала арифметическими задачами. Во второй половине учебного дня мы часами писали на доске слова готическими буквами.

Но только на улице я оживала. Мне хотелось во всем походить на отца: нырять, плавать, бегать и лазить по горам. «Вы не должны ничего бояться!» – кричал он, вовлекая нас в какое-нибудь опасное занятие, которое щекотало нервы мне и приводило в ужас Хайнца.

Папа начал воспитывать во мне бесстрашие, заставляя прыгать с высокого шкафа к нему в руки, а потом подобные прыжки я проделывала уже в глубоком бассейне. Мама испуганно наблюдала за подобными трюками, а Хайнц, улыбаясь, произносил: «Нет, папочка, спасибо», – и продолжал читать книжку Жюль Верна. Но я твердо верила, что с отцом никогда не попаду в настоящую беду и его руки всегда будут готовы поддержать меня.

Один из моих геройских обрядов показался Хайнцу невероятно забавным, и он высмеял меня, решившую спать на подушке из камня, так как папа сказал, что от мягкого матраса портится осанка. Когда мы ходили в горы, Хайнц обычно стоял с мамой и ждал, пока я полазаю по расщелинам, побегаю босиком по скалистым тропинкам и покачаюсь на висящих тросах.

Внешне я даже была похожа на худую маленькую мартышку. Еда все еще внушала мне отвращение, и злополучная поездка в санаторий в сочетании с большим количеством рыбьего жира так и не сделала меня толще. Поэтому я висела на длинных тощих руках, а ребра торчали и выглядели как стиральная доска.

Каждое воскресенье мы отправлялись навстречу подобным семейным приключениям, а на каникулах уезжали еще дальше, в Тироль и Альпы, где жили в уютных деревянных домиках и носили национальную тирольскую одежду.

Путешествия стали еще более приятными с того момента, как папа однажды приехал домой на нашей первой машине. Он конечно же водил очень быстро, с визгом вписываясь в крутые повороты высокогорных узких дорог, так, что нас резко бросало из стороны в сторону, и мы глядели на крошечные домики, оставшиеся внизу. Мама сидела рядом с ним, на переднем сиденье, и визжала так, что мы с Хайнцем, сидя сзади и вцепившись друг в друга, думали, что наши барабанные перепонки лопнут.

Жарким летом мама увозила нас из города на все каникулы, часто вместе с тетей Бланкой и братом Габи. Мы направлялись в Италию, на Адриатическое побережье, где могли плавать и играть на пляже. Хайнц боялся медуз, а я любила зарываться в песок, а потом бежать в море.

Тогда в силу своего возраста мы не понимали истинной причины этих поездок: мама встречалась со своим итальянским возлюбленным, и иногда мы проводили там целых три месяца подряд. Гино был элегантным и обаятельным, с темными блестящими волосами, и носил модные фланелевые брюки. Возможно, у мамы были и другие любовники, но Гино присутствовал в ее жизни довольно продолжительное время. В какой-то момент он приехал в Вену

и требовал, чтобы она развелась и вышла за него замуж. Они долго переписывались даже после того, как мама узнала, что Гино тоже женат на другой женщине.

Вена того времени славилась довольно свободными взглядами на брак, и у моего отца также было бесчисленное количество поклонниц, развлекавших его во время летнего периода работы на заводе. Это было в духе эпохи, но тем не менее в нашей семье царил счастье. Разные по характерам: смелые и общительные отец и я, творческие и мягкие брат с мамой – мы отлично дополняли друг друга.

Родители питали большую любовь к классической музыке, и иногда вместо сказок на ночь папа включал на граммофоне запись квинтета «Форель» Франца Шуберта. Все вчетвером мы лежали на полу нашей гостиной и засыпали под эти «снотворные» звуки.

В те вечера, под оживавшие звуки квинтета Шуберта, мир казался мне чистым и беззаботным, но на самом деле угрожающие события уже маячили на горизонте. Многие из них случились в судьбоносном 1933 году.

В семь лет у Хайнца обнаружилась серьезная инфекция, и он лежал в постели, глядя на стены, а температура безудержно росла. Однажды я подкралась сзади и, перегнувшись через спинку кровати, заглянула ему в лицо: «Может, хочешь почитать любимую книжку? – прошептала я, думая, что тем самым облегчу страдания брата. – Как насчет Старины Шаттерхенда?» Но Хайнц покачал головой. Он был настолько болен, что не мог даже читать.

«Ему ничуть не лучше, – с тревогой говорила мама. – Почему врачи не могут поставить диагноз?»

Доктора приходили и уходили, но никто так и не определил болезнь.

«Я найду другого доктора, – сказал отец, стараясь придать своему голосу ободряющую интонацию. – Не переживай, мы обязательно разберемся, в чем дело, и он поправится». Но даже папа выглядел очень взволнованным.

После многочисленных консультаций у разных докторов родители, наконец, нашли специалиста, который поставил верный диагноз и удалил Хайнцу гланды. Хайнц начал выздоравливать, но инфекция уже повлияла на его зрение, и он ослеп на один глаз. Естественно, родители безумно переживали по этому поводу. И брат тоже испуганно спрашивал: «Папа, а вдруг я не смогу больше читать книжки?»

Все, что я могла сделать, это беспокойно стоять около его постели, не в силах помочь. «Тебе не лучше сегодня?» – спрашивала я, напуганная слабым и беспомощным видом своего старшего брата.

Это было суровым испытанием для всех нас. Хайнц так никогда и не оправился от страха потерять зрение, а папа переживал по поводу того, что возникшие в душе сына тревоги помешают ему найти свой жизненный путь.

Нашу семью подстерегал еще один крутой поворот судьбы. Экономический кризис и стремительно растущая инфляция поставили Австрию в затруднительное положение, и папино дело перестало приносить доход. В 1918 году поездка в трамвае стоила полкроны, а теперь цена стала равняться 1500 шиллингам – валюте, которая в 1924 году пришла на смену старой кроне. Обед, стоивший раньше одну крону, обходился теперь примерно в 30 000 шиллингов.

У нашего завода «Герингер и Браун» не было будущего, но отец, с его находчивым умом и предприимчивостью, придумал нанимать на работу женщин, которые шили бы мокасины, не выходя из дома. Однако нам все равно пришлось подыскать более скромное жилье, на тот период, пока папа не поправит дела с работой. «Квартира, конечно, более тесная, но зато очень милая, – говорила мама, стараясь ободрить нас. – И только подумайте, насколько мы теперь ближе к бабушке Хелен и дедушке Рудольфу». Но этим словам не удалось сгладить мое чувство потери.

«Все наладится, Эви», – произнес однажды отец, но я услышала надрыв в его голосе и поняла, что ему было невероятно жаль покинуть наш дом на Лаутензакгассе.

Дом одной счастливой семьи – это нечто большее, чем четыре стены, но я понимала, что мы закрываем дверь, оставляя за ней свои детские воспоминания о веселье, ссорах, взрослении, семейных обедах и днях рождения. Начинался новый этап нашей жизни.

Учитывая эти внутрисемейные раны и потрясения, занимавшие мои мысли, не удивительно, что я смутно помню ходившие в то время слухи о грандиозных мировых событиях. Время от времени я видела тетю или дядю с нахмуренными бровями или улавливала нотку волнения в голосах родителей, когда они обсуждали услышанные по радио новости. Был 1933 год, и в Германии к власти пришел Адольф Гитлер.

4

Нацисты приближаются

Австрийцы всегда считались людьми обаятельными и уравновешенными. Как я узнала потом, они были и «обаятельными нацистами» – улыбающимися и милыми, в то время как восторженно приветствовали Гитлера после включения Австрии в состав Германии в 1938 году.

1930-е годы, время моего беззаботного детства, были отмечены беспокойствами в Вене, а также стали кульминацией десятилетий жестокой вражды.

Как только распалась Австро-Венгерская империя, город стал свидетелем фактической гражданской войны. Различные национальности и этнические группы делили империю на части с начала столетия. В то время как в здании парламента политики кричали друг на друга на разных языках, на Рингштрассе бедствующие рабочие протестовали против высоких цен на продукты, перенаселенных жилых помещений и потока эмигрантов, из-за которых, как они считали, стало трудно найти работу.

Вена была удивительным и заманчивым городом для состоятельных людей, но бедным людям в ней жилось трудно.

Хорошо известный в народе бургомистр, Карл Люгер, снабдил Вену начала века электричеством, трамвайными путями, чистой водой для больниц и даже общественными бассейнами. Но он также мог наблюдать разительный рост количества бездомных людей, спавших на раскладушках в трамвайных депо, стоявших весь день в очереди за местом для ночевки в общежитии и не имевших возможности купить еду. Пока обеспеченные жители города собирались в кафе, чтобы поделиться новыми мыслями, бедные люди приходили в приюты, чтобы спастись от холода, почитать газету и съесть тарелку супа.

Газеты часто говорили им о том, что причина всех проблем только одна – евреи. Бургомистр Люгер был известен своими антисемитскими взглядами и знал, что может легко снискать поддержку, возложив – несправедливо – вину за неблагоприятные обстоятельства на предпринимателей-евреев.

Не всем нравилось, что Вена представляла собой многонациональный «плавильный котел», притягивавший широкий круг людей со всей империи. Некоторые писатели и политики начали агитировать за пангерманское движение, обращаясь мыслью к античным мифам об арийцах, которые происходили из Северной Европы и являлись более совершенной расой, нежели другие, в частности, славяне и евреи. Некоторые, например, депутат парламента Георг фон Шенерер, хотели объявить о том, что «Германия для немцев» (учитывая воссоединение Германии и Австрии), но пока император Франц Иосиф оставался на троне, их заявления не могли противостоять множеству мнений и разногласий того времени.

Если бы не Первая мировая война и падение империи Габсбургов, возможно, лишь немногие восприняли бы идею о «пангерманской высшей расе» всерьез, но этот пестрый набор популистских лозунгов и переосмысленных мифов сильно повлиял на Адольфа Гитлера, который между 1908 и 1913 годами был неудачливым художником и жил в одной из дешевых гостиниц Вены.

Гитлер, сын таможенного чиновника из провинциального австрийского города Линц, ненавидел венский интернационализм, современную живопись и музыку, свободу в сфере половых отношений и хаотичную политическую жизнь, изгнавшую его отовсюду. Он был похож на бедного мальчика, прижавшегося лицом к витрине кондитерской, в то время как находившиеся внутри представители высшего общества и интеллигенции не обращали на него никакого внимания.

Война принесла с собой нужду, голод, экономический упадок и окончательно унижительное положение в 1918 году. В то время как остальной частью Австрии до сих пор руководило консервативное правительство и католическая церковь, жители Вены взбунтовались, и с 1919 по 1934 год городская администрация состояла из социалистов, с прогрессивными взглядами на муниципальное жилье и общественное здравоохранение. Вена снова оказалась в центре ожесточенной и неистовой битвы между конкурирующими политическими идеологиями.

В 1934 году завершилась эпоха Красной Вены, а лидер христианско-социалистической партии Энгельберт Дольфус отодвинул австрийскую демократию в сторону и установил однопартийный нацистский режим. Как это ни парадоксально, Дольфус выступал или против нацистов, или против планов Австрии, присоединявшейся к Германии. Он старался защитить евреев, запрещая антисемитскую пропаганду и дискриминацию студентов-евреев. Когда в 1934 году Дольфус был убит австрийскими нацистами, его место занял другой член правительства – Курт фон Шушниг, он тоже пытался загнать Гитлера в угол.

В течение трех лет ему это удавалось, но Гитлер никогда не позволил бы Австрии голосовать на свободном референдуме по вопросу объединения с Германией, тем более после того, как было спрогнозировано, что две трети австрийцев предпочли бы сохранить независимость. 9 марта 1938 года немецкие войска тихо пересекли границу Австрии, не встретив сопротивления. Месяц спустя Гитлер приказал австрийцам проголосовать на референдуме по поводу будущего их страны. Официальный результат показал, что 99,75 процентов людей проголосовали за воссоединение с Германией.

Я никогда не забуду тот страх и плохие предчувствия, которые поглотили меня в ночь, когда нацисты достигли Вены. Аплодирующая толпа и звон колоколов приветствовали немецких солдат, а над каждым окном и зданием возвышались большие красные флаги с черной свастикой, похожие на ядовитые цветы.

Мы всей семьей собрались в квартире дедушки и бабушки и с волнением стали слушали новости. Я играла с двоюродным братом и Хайнцем, но чувствовала что-то неладное.

«Мы прожили здесь всю жизнь, – донеслись до меня слова дедушки, – и Австрия была родиной для нескольких поколений нашей семьи».

Кто-то попытался утешить его: «Не может быть, чтобы все стало настолько плохо, наши друзья других национальностей не допустят подобного».

«Как ты думаешь, что происходит?» – прошептала я Хайнцу на ухо, но он приложил палец к губам и посмотрел на меня широко раскрытыми глазами, пытаясь намекнуть, что мы поговорим об этом позже.

Мы шли домой молча, и когда родители укладывали нас спать, мама, поцеловав меня и Хайнца, сказала: «Завтра все наладится».

В тот вечер ее успокоительные слова помогли мне легче заснуть, но казалось, что сердцем она чувствовала: судьба венских евреев окончательно решена.

Гитлер появился на балконе Нового дворца Хофбург, напротив императорской площади Хельденплац, 15 марта 1938 года. Он говорил, обращаясь к многочисленной толпе австрийцев, на фоне высеченного золотом лозунга, сделанного для императора Франца Иосифа: «Правосудие есть основа государства».

«Такой страной является Германия, – сказал Гитлер. – Я могу доложить немецкому народу о величайшем достижении в своей жизни. Я объявляю истории о вхождении моей родины в состав Германского Рейха».

Город, который так долго с пренебрежением относился к этому человеку, теперь приветствовал его с распростертыми объятиями, и первой важнейшей задачей Гитлера, которую он возложил на своего сподвижника Йозефа Геббельса, было очищение Вены от «грязи и тараканов» – он имел в виду евреев.

В первую неделю правления нацистов самые худшие опасения оправдались. Австрийским нацистам было разрешено свирепствовать, избивать евреев, разграблять их имущество, заставлять их называть друг друга оскорбительными прозвищами на улице и срывать ордена с груди бывших солдат и офицеров Первой мировой войны.

Внезапно добродушные друзья моего детства исчезли. Я удивлялась тем новым людям, оказавшимся передо мной. Обычные владельцы магазинов, трамвайные кондукторы и прорабы, которых, как мне казалось, я знала, заставляли евреев опускаться на колени, чтобы соскребать продемократические высказывания с тротуаров.

Безусловно, эти люди не имели ничего общего с теми, с кем моя семья так долго жила бок о бок...

Даже не интересуясь политикой, нельзя было не замечать того антисемитизма, который существовал в Вене в течение многих лет. И не только из пангерманской газеты доходила информация о том, что человеку, похожему на еврея, могли сбить с головы шляпу на Рингштрассе или о студентах, которых прогоняли из Венского университета с глумливыми выкриками «Долой евреев!»

В годы, предшествующие аншлюсу, все главные политические партии имели антисемитские заявления в своих манифестах, и даже государственный аппарат Дольфуса – Шушнига, претендовавший на защиту евреев, имел в своем составе много антисемитов. Это предубеждение было глубокой, устоявшейся и скрытой тенденцией нашей жизни, но только в тот момент оно начало вторгаться в мое защищенное существование.

Первое столкновение с новоявленными австрийскими нацистами повергло меня в шок. «Мы не должны больше возиться с такими, как вы», – сказала мать моего друга, захлопывая входную дверь перед моим носом. Я побежала домой в недоумении и в слезах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.